

ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Общероссийское общественное движение

125009, г. Москва, Малый Кисловский пер.,
дом 7, строение 1, помещение 21

тел./факс (495) 609-92-14, тел. (495) 691-62-33
E-mail: zpch@zaprava.ru; <http://www.zaprava.ru/>

**В Замоскворецкий районный суд
г. Москвы судье Москаленко М.Б.
(Для направления в Судебную
коллегию по уголовным делам
Московского городского суда)**

**адвоката Шухардина Валерия
Владимировича,**

Адрес для корреспонденции:

125009, г. Москва, М. Кисловский пер.,
д. 7, стр.1, пом. 21

**в защиту интересов и по поручению
Косенко Михаила Александровича,
1975г.р., содержащегося в ФКУ СИЗО-2 УФСИН
России по г. Москве**

АПЕЛЛЯЦИОННАЯ ЖАЛОБА *(дополнительная).*

Прошу рассмотреть дополнительные доводы апелляционной жалобы на Постановление Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 08 октября 2013 года в отношении Косенко М.А. в моем присутствии и с участием Косенко М.А.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА.

Не могу согласиться с Постановлением судьи Замоскворецкого районного суда г. Москвы Москаленко М.Б. от 08 октября 2013 года о применении в отношении Косенко М.А. принудительных мер медицинского характера в виде принудительного лечения в психиатрическом стационаре общего типа, как незаконным и необоснованным, по следующим основаниям:

1. Необоснован ввод суда о совершении Косенко действий, запрещенных ст.ст. 212 ч. 2 и 318 ч. 2 УК РФ.

Поскольку признано, что Косенко совершал инкриминируемые ему действия в невменяемом состоянии, то его действия не могут характеризоваться наличием преступного умысла, тем более совместного умысла на совершение совместных действий по участию в массовых беспорядках и причинению насилия к сотрудникам полиции.

Таким образом, Косенко несет ответственность исключительно за те действия, которые совершены им лично.

Так, в оспариваемом постановлении суд описал непосредственные действия Косенко следующим образом:

06.05.2012г. в период с 17 часов до 18 часов 30 мин. часть участников массовых мероприятий, среди которых был Косенко, предприняли попытку прорвать оцепление из сотрудников полиции и военнослужащих ВВ МВД России. С 17 час. 10 мин. до 20 час. 20 мин. Косенко,

продолжая принимать участие в возникших массовых беспорядках, применил в отношении рядового полиции Казьмина физическое насилие, опасное для его здоровья. Косенко, а также действовавшие умышленно неустановленные участники массовых беспорядков, сорвали с Казьмина шлем, бронежилет, отняли резиновую палку и пр., а также нанесли множественные удары руками и ногами по голове и телу. После чего Лузянин схватил Казьмина за форменное обмундирование и, применяя насилие, сбил его с ног. После этого находившиеся рядом неустановленные участники массовых беспорядков, а также Косенко нанесли множество ударов руками и ногами по голове и телу Казьмина. При этом Косенко, действуя с неустановленными лицами, видя, что Казьмин является представителем власти, удерживал Казьмина, а также нанес не менее одного удара рукой и не менее одного удара ногой по телу последнего, применив тем самым в отношении него физическое насилие, опасное для здоровья.

Иных действий Косенко в постановлении не описано. Все иные действия, касающиеся квалификации, как участие в массовых беспорядках, относятся к иным неустановленным и установленным лицам и не имеют отношения к Косенко.

Вывод суда, что описанные действия Косенко охватываются диспозицией ст. 212 ч. 2 УК РФ, основано на неправильном истолковании и применении уголовного закона.

Действия Косенко не содержат обязательных признаков преступления – участие в массовых беспорядках, а именно то, что они сопряжены с насилием, погромами поджогами или применением вооруженного насилия к сотрудникам полиции. Единственное насилие со стороны Косенко, которое описано в оспариваемом постановлении, имеет отношение к сотруднику полиции, но оно не сопряжено с вооруженным насилием, то есть не образует состава преступления – участие в массовых беспорядках. Следовательно, вывод суда об участии Косенко в массовых беспорядках, не подтверждается описанными в постановлении доказательствами по делу.

Таким образом, действия Косенко ошибочно квалифицированы, как участие в массовых беспорядках.

К квалификации по ст. 318 ч. 2 УК РФ имеют отношение лишь следующие действия Косенко, описанные в оспариваемом постановлении: «удерживал Казьмина, а также нанес не менее одного удара рукой и не менее одного удара ногой по телу последнего, применив тем самым насилие, опасное для здоровья». Эти действия совершены Косенко, как видно из текста постановления, уже после того как на Казьмина сзади напал Лузянин и сбил его с ног.

Вывод суда о том, что Косенко нанес не менее одного удара рукой и не менее одного удара ногой по телу Казьмина основано исключительно на противоречивых показаниях свидетеля сотрудника полиции Лукьянова. Иных доказательств, подтверждающих этот вывод суда, в материалах дела не имеется.

Напротив, как видно из представленной стороной обвинения в суд видеозаписью эпизода с Косенко и протокола осмотра от 08.06.2012г. (т. 25 л.д. 9-19) (лист постановления № 25), Косенко («Мужчина № 2») помогает «Мужчине № 1» удерживать Казьмина («Боец № 2»). Иных действий Косенко на видеозаписи не зафиксировано.

Как видно из фотографий и видеозаписей, представленных в суд защитой и исследованных в судебном заседании, после того как на Казьмина напал Лузянин и сбил его с ног, Косенко находился от Казьмина на расстоянии не менее 2-х метров и никаких ударов Казьмину не наносил.

Согласно показаний свидетелей Рачинского, Подробняк, Орлова, которые находились в непосредственной близости с Косенко, последний никаких ударов Казьмину не наносил. Это подтверждается представленными видеозаписями и фотографиями событий.

Сам Косенко на всем следствии и в суде всегда утверждал, что не наносил ударов Казьмину.

Согласно показаний свидетеля Лукьянова, данными в судебном заседании и изложенным в постановлении, Лукьянов видел, что Казьмина избивает группа граждан, ногами и руками, среди которых был Косенко. Они погнались за Косенко и оказались в окружении. То есть Лукьянов не указал на конкретные действия Косенко, которые могли бы быть квалифицированы как применение насилия к потерпевшему, опасного для его здоровья.

Из изложенных в постановлении показаний Лукьянова, данных на предварительном следствии следует, что он видел, что Казьмина бьют ногами по голове более трех человек. Первый – лет 24-27 славянской внешности плотного телосложения, второй 20-25 лет обычного телосложения одетый во все светлое, кроме указанных им двоих лиц, там был мужчина в белой майке плотного телосложения лет 35, и еще там был мужчина в черной куртке с усами, у него, как ему кажется коричневые волосы.

Лишь последний описанный человек может подходить под описание Косенко. Однако его действий в этих показаниях не описано.

Суд первой инстанции сослался также в качестве доказательств совершения Косенко противоправного деяния на показания Пузикова и потерпевшего Казьмина.

Однако, вопреки требованиям ст. 307 УПК РФ судья Москаленко существенно искажила в постановлении показания этих лиц, данные на судебном следствии.

Так, в Постановлении от 08 октября 2013г. суд изложил показания Пузикова следующим образом:

«Потом Казьмина затащили в толпу, сорвали с него шлем «Джета» и он совместно с другими сотрудниками вытащили его (Казьмина) из толпы и Лукьянов довел его до машины «Скорой помощи». Люди, которые избивали Казьмина были одеты: один мужчина в строгом костюме, второй мужчина в черной куртке, третий в оранжевом или красном, и человек в белой майке. (...) При предъявлении фотоснимков т. 25 л.д. 12 опознал мужчину в красном как Косенко М.А.»

В действительности, как видно из протокола судебного заседания от 13 сентября 2013 года таких показаний свидетель Пузиков не давал. Напротив, он указал, что не видел кто и как наносил удары Казьмину, он не видел людей, которые били Казьмина, а также ему не знаком человек, который находится за решеткой в зале суда (Косенко), он его также не видел и на видеозаписях, которые ему показывали в следственном комитете.

После демонстрации в суде Пузикову фотоснимков, он указал, что узнает на фотоснимках Косенко. При этом на вопрос защиты, узнает ли он кого-нибудь на представленных фотоснимках, свидетель Пузиков ответил, что «нет».

В показаниях Пузикова, данных на предварительном следствии и изложенных в оспариваемом постановлении, также не имеется указаний на самого Косенко и на его действия.

Также судом первой инстанции были существенно нарушены требования ст. 307 УПК РФ при изложении в постановлении показаний потерпевшего Казьмина, данные в ходе судебного следствия.

Так суд описал его показания следующим образом:

«Он, Лукьянов и Пузиков вклинились в толпу митингующих, Лукьянов и Пузиков хотели задержать этого человека (кидающего камни), но толпа людей попыталась отбить этого человека и на него (Казьмина) набросились митингующие и стали его избивать, его били человек десять, били руками, ногами, в разные части тела, в лобную и затылочную часть головы и по ребрам. Потом Лукьянов и Пузиков вытащили его. (...) В ходе предварительного расследования при предъявлении ему видеозаписи он опознал Лукьянова, Пузикова, себя и лиц, которые его избивали: со спины к нему подбежал человек в черной футболке и маске, и начал его избивать совместно с полным человеком в красной рубашке и темной куртке».

Однако, суд первой инстанции уклонился от изложения в постановлении иных показаний потерпевшего Казьмина, данных в ответ на вопросы Косенко и защиты, а именно:

На вопрос Косенко, видел ли Казьмин, что Косенко ему наносил удары, потерпевший ответил, что не видел. На вопрос, видел ли потерпевший, что удары ему наносил человек в красной рубашке, Казьмин ответил, что не видел (Протокол с/з от 22.06.2-13).

На вопрос адвоката Айвазяна, узнал ли Казьмин себя на видео и видел ли он на видео, чтобы человек в красной рубашке наносил ему удар, потерпевший Казьмин ответил, что нет.

Таким образом, суд вопреки требованиям ст. 307 УПК РФ не изложил в постановлении показания потерпевшего Казьмина, оправдывающие Косенко, что повлияло на вынесение законного и обоснованного постановления.

Более того, показания Казьмина, изложенные в постановлении, опровергаются имеющейся в деле видеозаписью и фотоснимками, представленными защитой, на которых убедительно

тельно и отчетливо видно, что после того как на Казьмина напал сзади человек в черной футболке и маске (Лузянин), оттащил Казьмина назад и сбил с ног, Косенко находился на расстоянии не менее 2-х метров от Казьмина и не мог наносить и не наносил последнему удары по телу.

Непричастность Косенко к применению насилия в отношении Казьмина была подтверждена показаниями свидетелей защиты Бедилизова Л.А., Рачинского Я.З., Подробняк А.П., Орлова О.П., которые были непосредственными свидетелями произошедшего и подтвердили, что Косенко не наносил ударов Казьмину. Эти показания были подтверждены объективными доказательствами: двумя видеозаписями событий, представленными в суд защитой, и фототаблицами с этих видеозаписей.

Однако, суд первой инстанции не признал эти показания свидетелей доказательствами по уголовному делу на том основании, что они противоречат показаниям свидетеля Лукьянова, который утверждал, что именно Косенко наносил удары Казьмину. Причем показания свидетеля Лукьянова не подтверждаются никакими иными доказательствами по уголовному делу.

Этот вывод суда не основан на законе.

Сторона защиты вправе представлять в суд доказательства, в том числе приглашать свидетелей для их допроса в судебном заседании. Таким образом, показания этих свидетелей являются доказательствами по уголовному делу, которым суд обязан дать оценку наравне с доказательствами, представленными стороной обвинения. Ни одно из доказательств не имеет заранее установленной силы или преимущества перед другими доказательствами.

Немотивированное отклонение доказательств стороны защиты является основанием для отмены Приговора (Постановления), как необоснованного.

Следовательно, показания указанных свидетелей являются доказательствами по уголовному делу, однако суд их незаконно и немотивированно отверг.

Таким образом, вывод суда первой инстанции о применении Косенко насилия в отношении потерпевшего Казьмина является необоснованным, судебное постановление в этой части подлежит отмене.

2. Основанием отмены Постановления от 8 октября 2013 года является то, что оно основано на недопустимых доказательствах.

Невозможно согласиться с выводом суда первой инстанции о наличии в действиях Косенко квалифицирующего признака с применением насилия «опасного для здоровья», так как отсутствуют допустимые доказательства, причиненного потерпевшему вреда здоровью.

Вывод эксперта о том, что описанные повреждения повлекли за собой причинение легкого вреда здоровью потерпевшему Казьмину, сделан с нарушением **Приказа Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008 года № 194 «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека».**

Согласно п. 27 названного Приказа степень тяжести вреда, причиненного здоровью человека, не определяется, если живое лицо, в отношении которого назначена судебно-медицинская экспертиза, не явилось и не может быть доставлено на судебно-медицинскую экспертизу либо живое лицо отказывается от медицинского обследования.

Таким образом, судебно-медицинская экспертиза живого лица для определения степени тяжести, причиненного здоровью вреда, не может быть проведена без медицинского обследования этого живого лица, в противном случае такое заключение эксперта является незаконным и необоснованным.

Как видно из материалов дела, заключение эксперта № 10062м/8793 от 27.06.2013 года было получено экспертом Каратаевой Г.Х. без исследования самого потерпевшего Казьмина, что является нарушением вышеуказанного нормативно-правового акта, регламентирующего проведение такого рода экспертиз (т. 20 л.д. 168, 172-175).

Таким образом, заключение эксперта получено с нарушением закона и является недопустимым доказательством.

Более того, вывод суда, что причинителем легкого вреда здоровью потерпевшему Казьмину является Косенко, противоречит фактическим обстоятельствам дела, установленным судом.

Так, суд в постановлении описал, что Косенко нанес один удар рукой и один удар ногой по телу Казьмина, в то время как согласно названному заключению эксперта легкий вред здоровью потерпевшему был причинен по причине ударов по голове, повлекших черепно-мозговую травму и сотрясение мозга.

Таким образом, поскольку судом было установлено, что Косенко не наносил ударов по голове Казьмина, то вывод суда о том, что в результате его действий была получена Казьминым черепно-мозговая травма и сотрясение мозга, явно необоснован.

Следовательно, квалифицирующий признак «с причинением вреда здоровью» подлежит исключению, как вмененный незаконно и необоснованно.

3. Основанием отмены Постановления от 8 октября 2013 года является нарушение права Косенко на получение квалифицированной юридической помощи в ходе судебного заседания и в перерывах судебного заседания.

Так, на протяжении всего судебного заседания (см. протокол судебного заседания от 01.11.2012г., от 09.11.2012г., 28.11.2012г., 11.04.2013г., 10.07.2013г., 22.07.2013г. и пр.) сотрудник конвойной службы полиции УМВД России по г. Москве, осуществляющие доставку содержащегося под стражей Косенко в зал судебных заседаний и осуществляющие его охрану в зале судебных заседаний препятствовали защитникам (адвокатам) оказывать Косенко квалифицированную юридическую помощь на основе конфиденциальности и сохранения адвокатской тайны в ходе судебных заседаний и в перерывах судебных заседаний с разрешения председательствующей, объявлявшей соответствующие перерывы для консультаций Косенко.

Сотрудники конвоя, специально находясь в непосредственной близости от Косенко и его адвокатов, прослушивали все переговоры с подзащитным, а также запрещали передавать от Косенко адвокатам и от адвокатов Косенко документы (заявления, ходатайства, позицию по делу), а также материалы дела, в том числе доказательства защиты для согласования позиции по делу в ходе судебного следствия.

В своих действиях они ссылались на положения пункта 308 Наставления и руководствовались ими, препятствуя конфиденциальному общению адвоката и подзащитного, содержащегося под стражей, в зале судебного заседания.

Согласно пункту 308 Наставления:

«Конвоир в зале судебного заседания осуществляет постоянный надзор за поведением подозреваемых и обвиняемых, запрещает им вставать с места без разрешения председательствующего, разговаривать между собой и вступать в контакты с гражданами, принимать и передавать друг другу и посторонним лицам письма, записки, вещи и иные предметы.

В перерывах и по окончании судебного заседания с разрешения председательствующего допускаются беседы подозреваемых и обвиняемых с защитниками. Охрана при этом не снимается.»

Однако, согласно ч. 4 ст. 47, ч. 1 ст. 53 УПК РФ обвиняемый вправе пользоваться помощью защитника и иметь свидания с защитником наедине и конфиденциально без ограничения их числа и продолжительности.

Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» также предусматривает право адвоката при оказании юридической помощи беспрепятственно встречаться со своим доверителем наедине, в условиях, обеспечивающих конфиденциальность (в том числе в период его содержания под стражей), без ограничения числа свиданий и их продолжительности (пункт 3 статьи 6) и закрепляет, что любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю, являются адвокатской тайной (пункт 1 статьи 8). Формулируя гарантии независимости адвоката, названный Федеральный закон устанавливает, в частности, что вмешательство в адвокатскую деятельность, осуществляемую в соответствии с законодательством, либо препятствование этой деятельности каким бы то ни было образом запрещаются, истребование от адвокатов, а также от работников адвокатских образований, адвокатских палат или Федеральной палаты адвокатов

сведений, связанных с оказанием юридической помощи по конкретным делам, не допускается (пункты 1 и 3 статьи 18).

Согласно ст. 18 Закона РФ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» обвиняемым предоставляются свидания с защитником с момента фактического задержания. Свидания предоставляются наедине и конфиденциально без ограничения их числа и продолжительности. Свидания обвиняемого с его защитником могут иметь место в условиях, позволяющих сотруднику места содержания под стражей видеть их, но не слышать.

Для реализации конституционного права на защиту подсудимые должны иметь беспрепятственную возможность консультироваться со своими адвокатами в любой момент слушаний по делу в условиях конфиденциальности.

Европейский Суд по правам человека указал (пар. 209, Решение от 09.10.2008г. по делу «Моисеев против России», № 62936/00):

«Суд повторяет, что право обвиняемого на общение со своим представителем в условиях, благоприятствующих широкому и беспрепятственному обсуждению, является частью базовых требований справедливого судебного разбирательства в демократическом обществе, и вытекает из статьи 6 § 3 (с) Конвенции. Если адвокат не может совещаться со своим клиентом и получать от него конфиденциальные инструкции, его помощь теряет значительную часть пользы, в то время как Конвенция предназначена для того, чтобы «гарантировать не теоретические и иллюзорные, а действительные и эффективные права» (см. *Artico v. Italy*, judgment of 13 May 1980, Series A no. 37, § 33). Важность для прав защиты обеспечения конфиденциальности отношений между обвиняемым и его адвокатами была подтверждена в различных международно-правовых актах и прецедентах Суда (см. *Öcalan v. Turkey* [GC], no. 46221/99, § 133, ECHR 2005-IV; *Brennan v. the United Kingdom*, no. 39846/98, §§ 38-40, ECHR 2001-X, id *Campbell v. the United Kingdom*, judgment of 25 March 1992, Series A no. 233, § 47)».

В деле по жалобе *Angirov and Others v. Russia* №30395/06, поданной от имени 24 осужденных по делу, Европейский Суд поставил перед Правительством РФ, в частности, следующие вопросы:

Вопрос 1 (b): «Учитывая, что судебные слушания проходили почти каждый день, и Заявители не могли конфиденциально консультироваться со своими защитниками в зале суда, имели ли они достаточное время и возможности для подготовки своей защиты в соответствии со ст.6 ч.3 п. «d» и получение эффективной юридической помощи в соответствии со ст.6 ч.3 п. «с»?»

Правительству предлагается указать даты судебных слушаний, а также час их начала и окончания. Также предлагается указать даты и продолжительность встреч каждого Заявителя с его или ее адвокатом в месте содержания под стражей во время суда. Наконец, необходимо описать условия, в которых Заявители могли консультироваться с адвокатами во время слушаний и представить подтверждающие документы, такие, как фотографии и план зала суда с указанием размещения обвиняемых, их защитников и конвоя во время судебных заседаний и перерывов.» Коммуникация по делу завершена в 2011 году, дело ожидает решения.

Верховный Суд РФ разъяснил в Апелляционном Определении от 14 ноября 2013 года № АПЛ13-486 по заявлению Косенко М.А.:

«Пункт 308 Наставления, расположенный в главе XI «Конвоирование и охрана подозреваемых и обвиняемых в судах и во время производства следственных действий», определяет обязанности конвоира и не регулирует порядок предоставления и проведения свиданий с защитником в ходе судебного заседания, следовательно, не затрагивает каких-либо прав и свобод, предоставленных федеральным законодательством подозреваемым и обвиняемым, не препятствует конфиденциальному устному и письменному общению с защитником в зале судебного заседания и в перерывах между судебными заседаниями».

Таким образом, у сотрудников конвоя отсутствовали законные основания для вмешательства в осуществление защитниками своих процессуальных обязанностей по оказанию юридической помощи Косенко М.А.

Обращения к суду адвоката Шухардина В.В. с соответствующими ходатайствами об обеспечении привлекаемому к уголовной ответственности Косенко его права на получение квалифицированной юридической помощи, неотъемлемой частью которой является конфиденциальность ее оказания, были оставлены судьей Москаленко без рассмотрения по существу, поскольку, по мнению судьи, они носят непроцессуальный характер.

Это решение судьи противоречит ст.ст. 15, 16, 121-123 УПК РФ, является немотивированным и необоснованным.

Таким образом, на протяжении всего судебного процесса Косенко был лишен реальной возможности получать квалифицированную юридическую помощь его защитников в ходе судебного заседания, когда эта помощь является наиболее актуальной и необходимой лицу, привлекаемому к уголовной ответственности.

При таких обстоятельствах Постановление от 08 октября 2013 года подлежит отмене как вынесенное с существенным нарушением норм процессуального права.

4. Как видно из материалов уголовного дела, законный представитель Косенко М.А. его родная сестра Косенко К.А. была лишена возможности общения со своим доверителем в ходе судебного заседания и в перерывах судебного заседания.

Председательствующая судья Москаленко игнорировала письменные и устные ходатайства законного представителя о предоставлении ей разрешения на свидание с Михаилом Косенко в следственном изоляторе, как близкому родственнику и как его законному представителю и участнику процесса со стороны защиты, либо отказывала в предоставлении таких свиданий, указывая на отсутствие у нее такой законной возможности (Протокол с/з от 10 июля 2013 года). Сотрудники конвоя также препятствовали беседам законного представителя с Косенко в зале судебных заседаний, поскольку она не обладает статусом защитника.

Косенко заявил 28 ноября 2012 года ходатайство о признании его законного представителя Ксении Косенко защитником в порядке ст. 49 ч. 2 УПК РФ, как близкого родственника, поскольку уголовно-процессуальным законом не регламентированы должным образом права законного представителя лица, содержащегося под стражей, в частности право на свидания с законным представителем, однако, его ходатайство было судом немотивированно отклонено.

Свидание с законным представителем было предоставлено судом только после вынесения оспариваемого постановления.

Таким образом, Михаил Косенко был фактически лишен возможности осуществлять защиту своих интересов в суде посредством законного представителя, поскольку он не имел возможности обсуждать с ней обстоятельства дела и позицию защиты, что с учётом установленного у него психического заболевания является ограничением его процессуального права на представление своих интересов посредством законного представителя.

При таких обстоятельствах, Постановление от 8 октября 2013 года вынесено с нарушением законных прав Косенко, что влечет его отмену.

5. Вывод суда первой инстанции о том, что необходимо применить в отношении Косенко меры принудительного характера и направить его на принудительное лечение в психиатрический стационар общего типа, является преждевременным.

Так, заключение комиссии экспертов психиатров было получено в результате амбулаторного обследования в июле 2012 года.

Предварительное следствие и судебное заседание продолжалось длительное время. На момент вынесения решения по делу, уже прошло более 1 года и 3 месяцев с момента проведения экспертизы. Как неоднократно указывали эксперты и специалисты в ходе судебного заседания, состояние здоровья Косенко претерпевает изменения, тем более с учетом того, что он находится в психиатрическом отделении СИЗО и получает лечение.

В связи с этим защитником адвокатом Айвазян 9 ноября 2012 года было заявлено ходатайство о проведении повторной психиатрической экспертизы в отношении Косенко, однако, судом оно было немотивированно отклонено.

11 апреля 2013 года защитой было вновь заявлено ходатайство о проведении повторной стационарной психиатрической экспертизы в отношении Косенко. Однако суд, вопреки

требованиям ст. 254 УПК РФ, отказал в удовлетворении ходатайства без удаления в совещательную комнату, то есть рассмотрел это ходатайство в порядке, не предусмотренном законом.

24 июня 2013 года, а также после допроса специалиста психиатра Савенко и эксперта 23 сентября 2013 года защитой вновь были заявлены ходатайства о проведении повторной экспертизы, однако суд в очередной раз немотивированно их отклонил.

Таким образом, суд первой инстанции незаконно уклонился от установления реального состояния здоровья Косенко на момент вынесения в отношении него постановления о направлении на лечение в психиатрический стационар, чем самым вынес незаконное и необоснованное решение по делу.

При таких обстоятельствах, Постановление от 8 октября 2013 года подлежит отмене.

6. Суд необоснованно и незаконно положил в основу оспариваемого постановления следующие доказательства: протокол предъявления свидетелю Лукьянову лица для опознания (л.д. 92-101 т. 25), протокол проверки показаний свидетеля Лукьянова на месте (л.д. 108-111 т. 25), протокол проверки показаний потерпевшего Казьмина на месте (л.д. 116-120 т. 25), полученные судом 20 мая 2013 года с нарушением уголовно-процессуального закона.

Как видно из существа названных доказательств, они, по своей сути, представляют разновидность показаний свидетелей и потерпевших.

Однако, уголовно-процессуальный закон исключает возможность оглашения показаний свидетелей или/и потерпевших без согласия сторон до допроса самих свидетелей и потерпевших непосредственно в судебном заседании, либо предусматривает их оглашение в случаях, предусмотренных ст. 281 ч. 2 УПК РФ.

Однако, несмотря на возражения защитника адвоката Шухардина В.В., суд огласил и исследовал эти показания свидетеля Лукьянова и потерпевшего Казьмина до их допроса в судебном заседании, то есть вопреки требованиям ст. 281 УПК РФ (протокол с/з от 20.05.2013г.).

Следовательно, эти доказательства были получены судом с нарушением ст. 281 УПК РФ и являются недопустимыми, и не могут быть положены в основу итогового решения.

Постановление суда, основанное на недопустимых доказательствах, подлежит отмене как незаконное и необоснованное.

7. Судом первой инстанции при вынесении Постановления от 8 октября 2013 года и в ходе судебного разбирательства были нарушены основные принципы судопроизводства устности и непосредственности исследования доказательств по уголовному делу.

Так согласно УПК РФ суд не вправе положить в основу вынесенного решения доказательства, которые не были исследованы в ходе судебного следствия.

Так, в ходе судебного следствия не были исследованы ни одни вещественные доказательства.

Таким образом, суд необоснованно и незаконно положил в основу оспариваемого постановления следующие вещественные доказательства:

- поврежденные предметы форменного обмундирования сотрудников полиции Беловодского, Миненка, Кузнецова, Леонтьева – 2 кителя, 2 брюк, шлем «Джета»; защитный шлем Штапкина А.С. «Джета» (Постановление лист № 16);

- документы, изъятые в ходе выемки 20.06.2012г. в отделе по работе с документами департамента региональной безопасности г. Москвы (Постановление лист № 17).

Поскольку эти вещественные доказательства не были представлены стороной обвинения в суд, суд не исследовал их, то данные доказательства получены судом с нарушением уголовно-процессуального закона, то есть являются недопустимыми.

Также соответственно являются недопустимыми и все производные от них доказательства, а именно акты осмотров этих вещественных доказательств.

Таким образом, Постановление от 8 октября 2013 года основано на недопустимых доказательствах, что влечет его отмену, как вынесенного с нарушением уголовно-процессуального закона.

8. Суд первой инстанции преждевременно положил в основу постановления в отношении Косенко заключения экспертов, полученных в отношении потерпевших, поскольку суд не

дал им оценки в части относимости к рассматриваемому делу и к непосредственно Косенко М.А.

Как видно из этих заключений экспертов, потерпевшие, в отношении которых они были получены, не имеют никакого отношения к Косенко. Более того, в ходе судебного следствия не были исследованы доказательства, подтверждающие обстоятельства получения телесных повреждений потерпевшими, а потому не установлена их относимость к рассматриваемым событиям.

Таким образом, ссылка суда первой инстанции на эти доказательства несостоятельна.

9. Основанием отмены Постановления от 8 октября 2013 года является нарушение права на защиту Косенко.

Так, 28 ноября 2012 года Косенко заявил ходатайство о допуске в порядке ст. 49 ч. 2 УПК РФ в качестве его защитника Курьянова П.А., которое суд, совещаясь на мете, отклонил на том основании, что защиту Косенко осуществляют 5 адвокатов.

Это постановление не основано на законе.

В Определении от 19 февраля 2009 года № 152-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ежкова С. В. на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 49 УПК РФ» Конституционный Суд РФ разъясняет:

«...Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что одним из способов защиты от предъявленного обвинения, который не только не запрещен, но и прямо закреплен частью второй статьи 49 УПК РФ, является приглашение для участия в судебном заседании по ходатайству обвиняемого в качестве защитника одного из его близких родственников или иного лица; отказ суда в предоставлении обвиняемому возможности воспользоваться этим способом и тем самым – ограничение гарантируемого статьей 45 (часть 2) Конституции РФ права может иметь место лишь при наличии существенных к тому оснований (определения Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2005 года № 208-О, от 11 июля 2006 года № 268-О, от 15 ноября 2007 года № 928-О-О и от 18 декабря 2007 года № 917-О-О). Наделение суда правомочием решать вопрос о допуске в качестве защитников иных, помимо адвокатов, лиц, избранных самим обвиняемым, как вытекает из правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 28 января 1997 года № 2-П, обусловлено тем, что на судебных стадиях уголовного судопроизводства именно суд обеспечивает условия для реализации сторонами своих прав, в том числе права обвиняемого пользоваться помощью защитника и защищаться всеми не запрещенными законом способами. Норма части второй статьи 49 УПК Российской Федерации не предполагает право суда произвольно – без учета иных положений данного Кодекса, а также обстоятельств конкретного дела и особенностей личности приглашаемого в качестве защитника лица – отклонять соответствующее ходатайство обвиняемого (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июля 2006 года N 268-О)».

Определение Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2005 г. N 208-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Корковидова Артура Константиновича на нарушение его конституционных прав ч. 2 статьи 49 и ч. 7 ст. 236 УПК РФ» разъясняет:

«...Приглашение по ходатайству обвиняемого для участия в судебном заседании в качестве защитника одного из близких родственников или иного лица прямо предусмотрено уголовно-процессуальным законом, в частности оспариваемой заявителем нормой, как один из способов защиты. Поскольку такой способ защиты не только не запрещен, но прямо предусмотрен в законе, отказ суда в предоставлении обвиняемому возможности воспользоваться им может иметь место лишь при наличии существенных к тому препятствий, в том числе в связи с наличием предусмотренных уголовно-процессуальным законом обстоятельств, исключающих участие защитника в производстве по уголовному делу. Во всяком случае решение о допуске в качестве защитника наряду с адвокатом одного из близких родственников обвиняемого или иного лица, об участии которых ходатайствует обвиняемый, не может быть произвольным, не учитывающим требований закона, обстоятельств конкретного дела и особенностей личности приглашаемого в качестве защитника лица. При этом, по смыслу уголовно-процессуального закона, не может признаваться обстоятельством, препятствующим допуску в качестве защитника лица, не являющегося адвокатом, участие в деле профессионального адвоката, по-

скольку ни Конституция РФ, ни уголовно-процессуальный закон не ограничивают число защитников, могущих участвовать в деле, а также, поскольку в силу части второй статьи 49 УПК РФ участие в деле адвоката, напротив, является одним из условий допуска в качестве защитника иного, наряду с адвокатом, лица.

Таким образом, оспариваемая норма уголовно-процессуального закона по своему конституционно-правовому смыслу не предполагает право суда произвольно отклонять ходатайство обвиняемого о допуске в качестве защитника лица, не являющегося адвокатом, и не препятствует осуществлению защиты интересов обвиняемого в суде близким родственником или иным лицом наряду с защитником-адвокатом».

По приговору Самарского областного суда от 16 марта 2012 г., вынесенному на основании вердикта присяжных заседателей, К. и Д. осуждены по п. "в" ч. 4 ст. 162 УК РФ и по п.п. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 07 июня 2012 г. приговор отменила по следующим основаниям:

«...Суд отказал в удовлетворении ходатайств: Д. - о допуске к участию в деле наряду с адвокатом защитника Е.; К. - о допуске в качестве защитника Г., мотивируя принятые решения тем, что "подсудимые обеспечены профессиональными адвокатами". По смыслу нормы ч. 2 ст. 49 УПК РФ защитник из числа родственников или иных лиц допускается к участию в деле по ходатайству подсудимого не вместо, а наряду с профессиональным адвокатом. Судом нарушены конституционные права подсудимых и, в частности, положения ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации, согласно которым каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Одним из способов защиты от предъявленного обвинения, прямо закрепленным в ч. 2 ст. 49 УПК РФ, является участие в судебном заседании в качестве защитника наряду с адвокатом одного из близких родственников обвиняемого или иного лица, допущенного к участию в деле по его ходатайству. Наделение суда правомочием решать вопрос о допуске в качестве защитников иных, помимо адвокатов, лиц, избранных самим обвиняемым, как следует из Постановления Конституционного Суда РФ от 28 января 1997 г. N 2-П, обусловлено тем, что в стадии судебного производства именно суд обеспечивает условия для реализации сторонами своих прав (ч. 3 ст. 15 УПК РФ), и на него возложена обязанность обеспечивать обвиняемому возможность защищаться всеми не запрещенными законом способами и средствами (ч. 2 ст. 16 УПК РФ). При этом содержащаяся в ч. 2 ст. 49 УПК РФ норма не предполагает право суда произвольно - без учета других норм Уголовно-процессуального кодекса РФ, в частности ч. 1 ст. 50 УПК РФ, предоставляющей обвиняемому право пригласить для участия в уголовном деле нескольких защитников, - отклонять соответствующее ходатайство обвиняемого. Принятое по ходатайству о допуске близких родственников или иных лиц к участию в деле в качестве защитника решение должно соответствовать ч. 4 ст. 7 УПК РФ и отвечать требованиям законности, обоснованности и быть мотивированным. Решения, принятые председательствующим судьей по ходатайствам осужденных Д. и К. о допуске в качестве защитников Е. и Г., не отвечают этим требованиям закона, а ссылка суда на недопустимость участия названных лиц в судебном заседании на том лишь основании, что в деле участвует профессиональный адвокат, противоречит ч. 2 ст. 49 УПК РФ, которая содержит прямое указание на то, что эти лица могут быть допущены к участию в деле наряду с адвокатом.

Поскольку рассмотрение уголовного дела с нарушением права осужденного пользоваться помощью защитника является основанием для отмены судебного решения, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор отменила и дело направила на новое судебное рассмотрение».

По настоящему делу отказ суда в допуске в качестве защитника Курьянова из числа «иных лиц» по ходатайству обвиняемого носит произвольный характер и противоречит высказанной позиции Конституционного Суда РФ и судебной практике Верховного Суда РФ.

Таким образом, право на помощь защитника в ходе судебного заседания было незаконно ограничено судом, что повлияло или могло повлиять на вынесение законного и обоснованного постановления по уголовному делу. При таких обстоятельствах, Постановление от 8 октября 2013 года подлежит отмене, как вынесенное с нарушением уголовно-процессуального закона.

10. 09 ноября 2012 года суд первой инстанции немотивированно отказал в удовлетворении ходатайства защитника Косенко адвоката Липцер Е.Л. о ведении видеозаписи всего судебного заседания в целях его публичности и открытости.

Зал судебных заседаний, в котором проводились слушания по делу, не мог вместить всех желающих присутствовать на судебном заседании, в том числе и всех представителей СМИ.

Более того, данный процесс имел огромный общественный резонанс в Российской Федерации. Этим процессом интересовалось множество граждан Российской Федерации, в том числе, проживающих за пределами Москвы и Московской области.

Таким образом, суд не мотивируя свои действия ограничил возможность гражданского общества следить за ходом судебных слушаний.

Тем самым были нарушены одни из основных принципов справедливого судебного разбирательства – открытость и публичность судебных слушаний, что повлияло или могло повлиять на законность и обоснованность вынесенного решения по делу.

При таких обстоятельствах, Постановление от 08 октября 2013 года подлежит отмене.

11. Также суд первой инстанции незаконно отверг показания специалиста психиатра Савенко Ю.С., который указал суду на необоснованность заключения экспертов, установивших неправильный диагноз Косенко и сделавших ошибочный вывод о необходимости направления Косенко на принудительное лечение в психиатрический стационар.

Суд указал, что показания специалиста Савенко Ю.С. не являются доказательствами.

Этот вывод суда противоречит ст. 74 ч. 2 УПК РФ, согласно которой в качестве доказательств допускаются (п.3.1): заключение и показания специалиста.

Таким образом, суд незаконно и необоснованно отклонил показания специалиста Савенко Ю.С., касающиеся существа рассматриваемого дела, что повлияло на вынесение законного и обоснованного решения по делу.

При таких обстоятельствах, Постановление от 8 октября 2013 года подлежит отмене, как незаконное и необоснованное.

На основании изложенного, руководствуясь ст.ст. 389.15-389.18 УПК Российской Федерации, прошу Вас:

1. Отменить Постановление Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 8 октября 2013 года о применении в отношении Косенко М.А. принудительных мер медицинского характера в виде принудительного лечения в психиатрическом стационаре общего типа, как незаконное и необоснованное.

2. Уголовное дело в отношении Косенко М.А. прекратить.

10 февраля 2014 года

В.В. Шухардин